

— Да, хотя я и не виноват, но когда человек зол, ему нужен выход, и он ищет козла отпущения. Совершив ошибку, человек инстинктивно хочет скрыть её, а я её раскопал. К тому же, первым это увидели его подчинённые, и он потерял лицо перед всеми. Цао Игэ запомнит мне это.

Шан Сяохань заволновался:

— А если он потом будет мстить? Посмотри на этого мелочного идиота Цао Чжэньхая. Яблоко от яблони недалеко падает, наверное, родной отец не лучше.

— Ему нечем мне мстить, да я и специально так сделал.

После этого прошла неделя, и Ань Хуэй каждый день находила повод отказать Ци Цзиншэну в свидании с Ци Цзиньянем.

У детей короткая память, а к тому же из-за лекарств и уколов его здоровье пошатнулось, так что через несколько дней он действительно перестал плакать и буйствовать.

Ань Хуэй всё же была родной матерью. И если не считать того, что она насильно удерживала Ци Цзиньяня в Зале Чуньцзай, заботилась о нём очень тщательно. После первого дня она специально подобрала из охраны усадьбы Шэньюань молодого, внимательного парня со стабильным силовым полем, чтобы тот спал ночью рядом с кроватью Ци Цзиньяня.

Благодаря этому малыш спал спокойно, и днём его настроение улучшилось. Сначала он удивлялся отсутствию брата, но частота поисков постепенно снижалась. Можно было предвидеть, что в будущем он непременно забудет об этом.

Душа Ань Хуэй успокоилась, к тому же Ци Минъюн в последнее время не бывал дома, и всем распоряжалась она. Дни проходили очень приятно.

В этот день Лю Я вошла и, отпустив служанок, прошептала ей на ухо о том, что Ци Цзиншэн вступился за сына подруги тетушки Ли и перешёл дорогу Цао Чжэньхая из семьи Цао.

Более того, чтобы помочь этому другу, он встретился с несколькими руководителями семьи Цао и, по слухам, применил некоторые хитрости.

После того как Цао Ивэнь пожаловался, Цао Игэ дома отчитал сына последними словами, посадил под домашний арест и начал искать репетитора и охранников, или скорее людей, которые помогут ему отправиться в Созвездие Лиры и следить там за учёбой Цао Чжэньхая.

Но с другой стороны, прожив полжизни, оказаться в ситуации, когда ребёнок перехитрил его и держал за горло, было невыносимо обидно. Поэтому на одном полуофициальном светском мероприятии, за разговором о детях из разных семей, он с сурдинкой, полные зависти и злобы, начал рассказывать о «великих деяниях» Ци Цзиншэна.

— ...Так что видите, у семьи Ци хорошие методы. С момента инцидента до сих пор я даже человека этого не видел. Жаль, я тогда специально выделил полдня, чтобы маленький господин пришёл поговорить со мной, а в итоге получил только диск с данными.

Присутствующие сразу поняли намёк и стали один за другим поддакивать, говоря что-то вроде:

«Мы же дружим семьями несколько поколений, так поступать не следовало, было бы вежливее поговорить лично, в конце концов, дети порой бывают слишком опрометчивы»... и тому подобное.

Потом это разнеслось по свету, и после нескольких пересказов превратилось в то, что второй господин семьи Цао хвалит старшего сына семьи Ци за хорошие методы: вступил в конфликт со старинной семьёй, сначала пошёл по официальным каналам, а затем избегал встречи, просто спихнув старшим пачку документов.

Сарказм понимали все, и, конечно, нашлись желающие передать это семье Ци.

Узнав подоплеку, Ань Хуэй не удержалась от смешка:

— Этот Цао Чжэньхай из семьи Цао, у Цзиншэна с ним была старая вражда, и в порыве гнева он поступил неосмотрительно — это нормально. А вот Цао Ивэнь, в таком возрасте, что он с ребёнком спорит?

Цао Чжэньхай был настолько глуп и уродлив, что вызывал раздражение. У этих дам, привыкших к благородным и утончённым людям, от внезапного вида такого ребёнка иногда глаза болели.

С точки зрения семьи, Ань Хуэй была рада, что Ци Цзиншэн проучил Цао Чжэньхай. С личной же точки зрения, если бы Ци Цзиншэн проявил слишком большую изворотливость, она бы этому не обрадовалась. Но сейчас он действовал просто и грубо, и она слушала с удовольствием.

В восемнадцать-девятнадцать лет такие ошибки считаются нормальными. Если бы он всё время был таким бесшовным, как в последнее время, она бы начала беспокоиться.

Лю Я давно поняла мысли госпожи и открыла рот в поддержку её неискренних слов:

— Госпожа права, этот ребёнок из семьи Цао глуп и жесток. В прошлом году он ещё нанимал людей, чтобы окружить молодого господина. Сейчас Цзиншэн воспользовался случаем и дал его семье потерять лицо, это уже вежливо.

Но знатные семьи живут репутацией, и то, как Ци Цзиншэн ударил по их лицу, вызывало гораздо большее отвращение, чем детская потасовка.

Хозяйка и служанка немного поболтали об этом. Вечером, во время привычного сеанса связи с Ци Минъюном, Ань Хуэй пожаловалась на мелочность Цао Игэ, который стал судиться с ребёнком. Яблоко от яблони недалеко падает, неудивительно, что Цао Чжэньхай такой nepотpeбный.

Эти слова внешне защищали Ци Цзиншэна, но неизбежно содержали:

«...В прошлом году Цзиншэну всё-таки доставалось, поэтому он и вспылал... Я заранее готовлюсь, скоро начнутся осенние собрания жён знатных семей, а госпожа Цао тоже не с мягким нравом».

Смысл был в том, что ребёнок действовал импульсивно, а ей придётся разгребать последствия.

Там, где есть сеть, есть и Сяо Цзю. О чём хозяйка и служанка болтали днём во внутренних покоях Зала Чуньцзай, оно не знало, но вечерний сеанс связи с Ци Минъюном оно посмотрело в прямом эфире.

— Госпожа из Зала Чуньцзай опять сплетничает за спиной~~

Ци Цзиншэн как раз писал на терминале для Шан Сяоханя конспекты по некоторым предметам и заметки по медитации на ближайшие два года. Услышав это, он улыбнулся:

— Наверное, так ей легче на душе. Если бы я не поступил так опрометчиво, она бы начала ломать голову над тем, какие у меня отношения с Сяохань.

Таким образом, все решат, что он ударил по репутации семьи Цао ради старой обиды на Цао Чжэньхай за то, что тот его окружил, а не ради того, чтобы защитить Сяохань.

И видео, которые он отправил Цао Игэ, действительно относились к разным периодам года. Их нельзя было собрать за полдня. Во всём чувствовался заранее спланированный замысел.

Кто бы ни посмотрел, подумал бы, что этот юноша, которого Цао Чжэньхай избил до потери сознания и заставил несколько месяцев ходить с короткой стрижкой, должен был таить злобу всё это время. Теперь наконец-то подвернулся случай, поэтому он и поступил так, не поджентльменски.

И действительно, не прошло и двадцати минут, как поступил вызов от Ци Минъюна:

— Что ты делаешь так поздно?

— Изучаю дислокацию различных гарнизонных частей в Созвездии Цилянь. Хотя ещё не знаю, куда попаду, но хочу иметь моральную готовность, — Ци Цзиншэн был одет в мягкую пижаму, полулежал на кровати с чашкой чая в руках, выглядел очень расслабленно.

Ци Минъюн смутно знал о том, что Ань Хуэй изолировала младшего сына. С одной стороны, он был разочарован тем, что Ань Хуэй использует Ци Цзиншэна и выбрасывает, когда он становится не нужен, с другой — он был далеко и не мог вмешаться, поэтому чувствовал небольшую вину.

Сегодня, услышав явные жалобы Ань Хуэй и её скрытые доносы, он по-настоящему разозлился. Раньше Ань Хуэй не была таким человеком без кругозора, но в последнее время она становилась всё более абсурдной.

На самом деле, его понимание психологии Ань Хуэй, возможно, уступало пониманию Ци Цзиншэна, который целыми днями слушал, как Сяо Цзю перечисляет различные психологические труды, сплетни и анализирует любовные драмы.

В конечном счёте, Ци Минъюн был воспитан как наследник знатной семьи и несколько десятков лет был главой клана. Его психология была такой же, как у Ци Цзиншэна в прошлой жизни.

Они получили одинаковое образование, несли одинаковую ответственность, и фундамент их морали и ценностей был полностью одинаков.

Ци Минъюн любил младшего сына, но если этот сын был менее полезен для семьи, чем старший, то он получал лишь обычную любовь, и принципы его воспитания отличались.

Более того, если бы в боковой ветви семьи появился человек с потрясающим талантом, способный поднять весь клан на новый уровень, он вложил бы в него больше сил и ресурсов, чем в собственного сына.

Поэтому в своё время его отношение к усыновлению ребёнка было далеко не таким

радикальным, как у Ань Хуэй, а его гордость выдающимся талантом Ци Цзиншэна была искренней.

В конечном счёте, самое важное в его сердце — семья Ци. А в сердце Ань Хуэй самое важное — она сама.

Поэтому он круглый год трудился ради семьи Ци, редко виделся с женой и детьми, а регулярные запросы о детях и забота о них были просто записаны в его графике, иначе бы он забывал.

Когда-то Ци Цзиншэн из-за такого же мышления, а также чтобы Шан Сяохань не был осуждён и обсуждаем обществом, жестоко сдерживал свои чувства и даже сам держался подальше, что в итоге обернулось сожалением на всю жизнь.

А Ци Минъюн по-прежнему заперт в этом кругу и, похоже, всю жизнь будет придерживаться таких принципов.

Его на самом деле не волновало, дрался ли Ци Цзиншэн с кем-то или вступал в конфликт. Его интересовало другое: зачем Ци Цзиншэну было встречаться с руководством семьи Цао.

<http://bllate.org/book/17699/1652399>